

	Проект	«<u>СпецИстория</u>»
	Цикл передач	«Реформы Гайдара»
<i>Творческая группа</i> <i><u>СпецИстория</u></i>	Материал	Стенограмма ЧЕТВЕРТОГО выпуска
		часть вторая

<u>Кургинян</u> <u>Сергей Ервандович</u>	политолог, президент МОФ-ЭТЦ	далее Кургинян
<u>Бялый</u> <u>Юрий Вульфович</u>	вице-президент по научной работе МОФ-ЭТЦ	далее Бялый
<u>Новиков</u> <u>Владимир Владимирович</u>	кандидат исторических наук, ведущий аналитик МОФ-ЭТЦ	далее Новиков

Интернет-телевидение ЕСС.TV представляет цикл передач «Реформы Гайдара» в рамках проекта «СпецИстория». Выпуск четвертый. Часть вторая.

ЛИБЕРАЛИЗАЦИЯ. Часть II

VI СЪЕЗД НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ РФ

Хроника: Хасбулатов: «Другое дело. Подождите. Не надо. Никакого позора нет. Ребята растерялись. Так. Подождите». 11 апреля 1992 года Съезд принимает Постановление «О ходе экономической реформы в Российской Федерации», в котором: отмечает целый ряд проблем в экономике: спад производства, разрушение хозяйственных связей, резкий спад жизненного уровня населения, рост социальной напряжённости, нехватка денежной наличности; отмечает, что правительство не

создало эффективно действующих экономических рычагов и теряет управление государственным сектором народного хозяйства, а также недостаточно эффективно взаимодействует с соответствующими органами власти и управления, руководителями предприятий, представителями трудовых коллективов и профсоюзных объединений; предлагает президенту России внести существенные коррективы в тактику и методы осуществления экономической реформы с учетом замечаний и предложений, высказанных народными депутатами на шестом Съезде народных депутатов, и представить их до 20 мая 1992 года Верховному Совету Российской Федерации.

Из интервью Г. Бурбулиса П. Авену и А. Коху, опубликованному в журнале «Forbes» 22 июля 2010 года: Петр Авен: «Сегодня это выглядит странно, но для нас было шоком, когда мы узнали, что началась атака на правительство и что Ельцин в принципе согласился под давлением Верховного Совета и представителей директуры уволить часть гайдаровских министров. В этом списке был министр топлива и энергетики Лопухин, министр здравоохранения Воробьёв, я и кто-то еще. <...> Теперь-то я понимаю, что воспринимал Ельцина совершенно неадекватно, считая, что он такой патриарх, который за нас драться будет вплоть до собственной отставки. Мы были совершенно не готовы к тому, что нас вот так хладнокровно разменивают». (Петр Авен: В 1991-1992 гг. министр внешнеэкономических связей РФ)

Новиков: Итак, 13 апреля 1992 года на VI съезде народных депутатов происходит демарш гайдаровской команды. Она объявляет о своей ... о коллективной отставке. Эта отставка фактически принята не была. Но произошло два знаковых события. Событие № 1 – это отставка Геннадия Бурбулиса с поста первого вице-премьера с оставлением его на посту госсекретаря Российской Федерации. Событие № 2- это отставка самого Егора Гайдара с поста министра финансов. Есть две версии этих событий.

Первая – это версия самого Бурбулиса, которая описывает то, что решение об отставке правительства было принято спонтанно после, якобы, нанесённых Хасбулатовым оскорблений на 6-м съезде в адрес команды Гайдара. И, в результате чего, было принято коллективное решение об отставке, после чего произошла договорённость между Ельциным и Хасбулатовым. И существует версия ... версия, которую я бы назвал версией Ельцина-Юмашева. В книге «Записки президента», изданной в 94-м году, Борис Николаевич Ельцин так объяснил ... точнее, конечно же, Валентин Борисович Юмашев, как автор литературного текста этой книги. Он так объяснил мотивы отставки Бурбулиса: «Бурбулиса вдруг стало много». Что это значит, переводя с бытового языка на язык политический? Это означает, во-первых, что Бурбулис действительно к тому моменту уже очень сильно задел некие ельцинские властные амбиции. Он стал претендовать не на роль доверенного сотрудника и самого доверенного, так сказать, посредника между ним и Гайдаром. Но и на роль идеолога – строителя новых властных институтов и фактически второго лица в государстве. Для Ельцина, для которого власть всегда существовала в чистом виде, как власть ради власти, это, безусловно, не могло не стать предметом для раздражения. Во-вторых, Ельцин стал понимать, что та политическая цена, которую он платит, те издержки, которые он платит за поддержание амбиций Бурбулиса, как серого кардинала и идеолога российской власти, слишком высоки. И, в-третьих, видимо, Ельцин не был к тому моменту готов к слишком, скажем так, радикальному выяснению отношений с Хасбулатовым и Верховным Советом и съездом. Потому что он в тот момент не понимал до конца, какую цену придётся платить за эту конфронтацию, он до конца не выстроил силовой блок. Ну, Министерство обороны появится в России лишь в мае. И не был уверен, конечно, до конца в надёжности силовиков. И не были, конечно же, отстроены ещё до конца те механизмы неформальной власти, которые появятся у Ельцина к

октябрю 93-го года: это Коржаков, это Барсуков. Это их система, система влияния на спецслужбы и на бюрократию. Вот в этой ситуации, безусловно, Ельцин предпочёл, во-первых, компромисс со съездом. Во-вторых, убрать наиболее раздражающие, как Верховный Совет и съезд, так и его, фигуры. Например, ту же фигуру Бурбулиса. И, наконец, стоит сказать о такой немаловажной детали, как то, что перед 6-м съездом очень много говорилось о возможной отставке с поста Главы президентской администрации Юрия Владимировича Петрова – фигуры, опять-таки ныне почти забытой, а в тот момент очень и очень влиятельной. Отставку Петрова прогнозировали силы, близкие к Бурбулису и к правительственной команде Гайдара. Петров воспринимался ими как крайний консерватор, партийный аппаратчик. Партийный аппаратчик, который мешает их деятельности. Действительно, Петров был человеком, который понимал всю опасность гайдаровского курса. Возможно, у него было своей, альтернативной Гайдару, программы. Но это был человек, во-первых, понимавший эту опасность. Во-вторых, крайне лояльный Ельцину. И Ельцин воспринимал его, как фигуру очень себе близкую и в личном, и в социальном плане. И вот эта попытка Бурбулиса и Головкова, и других выдавить Петрова, видимо была воспринята ещё Ельциным как посягательство на собственную власть. А вот этого он не терпел. И при первом же возникшем удобном моменте он начал строить как Бурбулиса, так и Гайдара, увеличивая, во-первых, дистанцию между ними и собой. А, во-вторых, пытаюсь делать их всё более управляемыми.

Из интервью Г. Бурбулиса П. Авену и А. Коху, опубликованному в журнале «Forbes» 22 июля 2010 года: Петр Авен: «А почему он так пытался с ними договориться? Я никак не могу понять. Что они могли? У него была всенародная поддержка. Даже через год, когда последствия реформ давили вниз его рейтинг, он легко выиграл у них референдум. Он мог совершенно спокойно их распустить. Только начались реформы, еще

все его любили. Почему он так реагировал? Почему он спокойно смотрел, как мы уходим? Почему он сдал ближайшего советника <...> [Г. Бурбулиса]? И при этом вел бесконечные разговоры с Хасбулатовым?»
(Петр Авен: В 1991-1992 гг. министр внешнеэкономических связей РФ)

Новиков: Так почему же Ельцин всё договаривался или как бы делал вид, что желает компромисса с Верховным Советом? Во-первых, в вышеприведённой цитате Авен совершенно очевидно путает две ситуации. Это ситуации тогдашней Конституции и Конституции, принятой в 93-м году. Ельцин не имел права роспуска Верховного Совета и съезда. А вот Верховный Совет и съезд имели право объявить ему импичмент. И в этой ситуации как бы не был Ельцин, как я уже говорил выше, не был уверен до конца в том, по какому сценарию произойдёт дальнейшая эскалация событий: либо он сможет оседлать силовой сценарий и разогнать в ответ на импичмент Верховный Совет и съезд, либо нет. Во-вторых, Ельцин, безусловно, понимал, что дальнейшее политическое заложничество у Бурбулиса и Гайдара может окончательно съесть не только его рейтинг, но и общественную поддержку. И, в-третьих, что самое важное, Ельцин наткнулся на сопротивление даже не общества, а крупных лоббистских и номенклатурных групп. Эти группы очень условно можно назвать промышленным лобби. Но это очень условное название, потому что на самом деле речь шла о целом ряде отраслей, которые, не будучи взаимосвязаны между собой, а в некоторых случаях даже предельно конкурирующие между собой, тем не менее, страдали от реформ Гайдара и были крайне недовольны деятельностью правительственной команды. И тогда Ельцин предпринимает после съезда народных депутатов, после окончания 6-го съезда, в мае-июне 92-го года он принимает несколько важных решений. Во-первых, он назначает в правительство вице-премьерами Владимира Шумейко и Георгия Хижу. Это была явная уступка части военно-промышленного лобби, связанного в основном с тяжёлой и

частью высокотехнологичного блока. Во-вторых, значение этого события у нас как бы почему-то не освящено и даже не осмыслено. 30-го мая он отправляет в отставку министра топлива и энергетики Владимира Лопухина. Вместо него вводится пост вице-преьера по ТЭК. Этим вице-премьером по ТЭК становится Виктор Черномырдин. Пост министра топлива и энергетики оказывается вакантным до января 93-го года, пока туда не пришёл Юрий Шафранник, который в тот момент являлся кандидатурой Черномырдина. Что же ... В чём была знаковость отставки Лопухина? Безусловно, отставка Лопухина означала некое проявление очень давнего конфликта, как лично Гайдара, так и его команды, с топливно-энергетическим лобби. Ну, ещё в 89-м году, работая редактором ... заведующим отделом в журнале «Коммунист», Гайдар выступил на страницах этого журнала против проекта одновременного начала пяти крупных строек в Западной Сибири. В ответ на это 6 министров во главе с министром газовой промышленности Черномырдиным написали в журнал письмо, в котором обвинили Гайдара, цитирую дословно «в поспешном и недостаточно взвешенном экономическом обозрении. Не утруждая себя документами, Гайдар ставит под сомнение необходимость комплексного развития производительных сил Западной Сибири». Так гласил текст того памятного письма. В ответ на это Гайдар публикует в «Коммунисте» новую античерномырдинскую статью под весьма знаковым заголовком «Зря денег не дают». И ЦК поддерживает не министра газовой промышленности Виктора Черномырдина, а зав. отделом журнала «Коммунист» Егора Гайдара. И уже тогда в конце 80-х – начале 90-х годов в разработках гайдаровской команды начинается активно педалировать тема необходимости разделения так называемых естественных монополий, то есть ТЭКа на составные части. Когда Гайдар оказался в правительстве, он ставит во главе министерства топлива и энергетики своего старого знакомого Владимира Лопухина. Владимир Лопухин – фигура ныне почти

забытая, но почти забытая не значит не достойная внимания. Владимир Лопухин сын крупного офицера КГБ, очень вписанный в элиту спецслужб. По собственному признанию Лопухина, ему советы в жизни давал Андропов. Ну, тут, как говорится, опровержений не было, а это признание самого Лопухина. Человек, даже если Андропов не давал ему советов по жизни, то подобное признание – есть некая попытка повесить на себя определённый знак принадлежности к определённым структурам. Опять-таки, Лопухин этого захотел. И он этим гордится. Лопухин очень много занимался, ещё в советские годы, возможностями развития тюменского и западно-сибирского регионов. Лопухин создавал концепцию реформирования, так сказать, советского ТЭКа. И, в какой-то мере, в части нефтяной промышленности (то, что задумки Лопухина удались ...) – вместо единого централизованного нефтяного суперминистерства у нас возникло несколько вертикально-интегрированных концернов в нефтяной отрасли. Лопухин, к моменту своей отставки, замахнулся и на другую «священную корову» ТЭКа – это на «Газпром». Совершенно очевидно, что дальнейшая реализация идей Лопухина привела бы к тому, что часть бы нефтяной и газовой номенклатуры выиграла, а значительная бы часть проиграла. И определять выигравших и проигравших должен был Лопухин и те, с кем он работал в ближайшей спайке. Но, опять-таки, давно забытым фактом, но забытым – не значит, ничего не значащим, является тот факт, что председателем инвестиционного фонда содействия топливно-энергетической промышленности при Министерстве топлива и энергетики был Михаил Борисович Ходорковский, который и сделал к концу весны 92-го года вчерне план приватизации нефтяной и газовой промышленности для Лопухина. При этом Ходорковский имел ещё и ранг заместителя министра топлива и энергетики. Ещё более важным, как мне кажется, для оценки деятельности Лопухина, является его очень плотная завязка на Францию. После отставки Лопухин представлял в России интересы банка

«Лазар», крупного французского финансового учреждения. В его ближайшем окружении были люди, которые очень плотно взаимодействовали с банком «Париба», с французским банком «Париба». Ну, и, наконец, сам Лопухин впоследствии женился на гражданке Франции, полурусской-полуфранцузенке, имеющей как русские, так и французские аристократические корни. И здесь, как говорили мне некоторые эксперты, весьма хорошо осведомлённые и хорошо знающие ситуацию в ТЭКе ... И здесь интересы Лопухина, точнее тех сил, которые сделали ставку на Лопухина, – а это, скажем так, в основном это часть отечественных нефтяных генералов и часть финансовых французских кругов, – вошли в клинч с интересами, во-первых, газовой номенклатуры во главе с Черномырдиным, во-вторых, в клинч с интересами части староевропейских, в первую очередь германских, элит, которые не были заинтересованы в переделе влияния в отечественном ТЭКе. И вот эта отставка Лопухина, на самом деле, которая прошла почти незамеченной обществом, о которой почти уже никто не помнит, она на самом деле является очень знаковой. Ельцин не просто уступил давлению газовой номенклатуры. Он, видимо, уже в мае 92-го года начал продумывать для себя возможности освобождения от гайдаровской команды. И простройки неких альтернативных международных и внутрироссийских альянсов. И замена Лопухина на Черномырдина, видимо, была одной из таких проработок.

ГИПЕРИНФЛЯЦИЯ

Из интервью Григория Явлинского журналу «Forbes» 04 марта 2010 года: «... когда вы решением правительства в один день, 2 января, в сверхмонополизированной экономике вводите сразу буквально на все, кроме нефти и некоторых продовольственных товаров, свободные цены. При этом вся торговля государственная, все розничные предприятия государственные, все производители продуктов питания

государственные. На одну огромную область – один огромный молокозавод, который начинает тут же диктовать цены, и не только цены реализации, но и закупочные цены на сырье у крестьян. В этих условиях гиперинфляция просто неизбежна, потому что происходит либерализация не цен, а монополий. Никакого ценового равновесия не возникает, а ведь цель либерализации – в создании некоторого равновесия как пролога к стабилизации». (Григорий Явлинский: зампреда Комитета по управлению народным хозяйством СССР 24.08.1991-12.1991)

Бялый: В начале 92-го года в России были ликвидированы Госплан и Госнаб, то есть ... и полностью отпущены цены, то есть окончательно были убраны с дороги те последние, уже совсем полудохлые советские хозяйственные регуляторы, которые раньше хоть как-то могли чем-то управлять. Но другие регуляторы от этого, естественно, вовсе не появились. И, непонятно, планировались ли. И вот тогда начала в полной мере показывать свои зубы вот эта самая стихия дикого, нерегулируемого рынка. Я уже сказал, что цены отражают равновесие спроса и предложения только в условиях существующих и эффективно работающих рыночных институтов от развитого экономического законодательства до бирж. А если их нет, то цены отражают интересы и аппетиты кланов, которые монополизировали производство и распределение товара и услуг. То есть, что это значит? Цены растут до тех пор, пока есть кому и на что покупать эти товары и услуги. В начале 92-го покупателей было ещё много. Предприятия накачивали население деньгами через зарплаты. Банки бывших союзных республик, не только России, очень хорошо, изо всех сил вели эмиссию тех же самых рублей – они были везде одинаковые. Не только Центробанк России, но и банки союзных республик. То есть, у многих людей были сбережения. И, поскольку, зарплаты и доходы были приличные вот в эти последние, «лихие» годы советского времени, то и сбережения были приличные. Потому спрос на товары был, и цены летели

вверх, ну, вот, с космическими скоростями. Что очень быстро обнаружилось? Выяснилось, что цены предприятий – те, по которым они производят и могут продать посреднику, они уже (предприятия-то уже встроены вот в эти клановые, криминальные псевдо-рыночные цепочки) ... они не могут сами устанавливать цены. Ими уже руководит теневая пирамида. Так вот, цены предприятий очень сильно отстают от цен на рынках. Первое. Тогда предприятия не могут индексировать зарплаты. А неиндексированные зарплаты ещё сильнее отстают от цен на рынках. Значит, государство не получает в бюджет. Оно не может индексировать пенсии и стипендии, и другие социальные выплаты. Сначала скукоживаются банковские счета предприятий, затем частью обесцениваются, частью заканчиваются сбережения населения. И начинается катастрофическое падение производства. Производить не на что. Денег нет. Особенно в наиболее высокотехнологичных отраслях, которые работали в основном на тот самый госзаказ, который ликвидировали. Дальше идёт скачкообразный рост дефицитов всех бюджетов всех уровней, быстрое, а местами катастрофическое, падение уровня жизни большинства населения. Вот такая вот вилка. И всё это, естественно, происходит под заверение власти реформаторов о том, что это временные трудности перехода к рынку, а дальше, вот, завтра, нет, завтра вряд ли, вот послезавтра точно, невидимая рука рынка всё сделает, всё расставит по местам, всё будет хорошо. И в это же время начинается вот этот же самый новый этап реформ – приватизация, для которого как раз после гиперинфляционного обнуления финансовых средств общества и предприятий большой ресурс оказывается только вот у номенклатурно-криминальных или попросту криминальных кланов.

Хроника: 7 июня 1992 года Президентом России Б.Н. Ельциным был издан указ, отменяющий государственную монополию на водку. Таким образом, длившаяся 68 лет и доказавшая свою эффективность первая Советская

монополия на водку была упразднена. С середины 1992 года в России любой и каждый мог производить, закупать за границей, торговать водкой на основе лицензии. Как итог, сразу же российский рынок захлестнул поток иностранных псевдоводок, бурно распространилось самогонование, снизилась доля водок, имеющих государственные гарантии качества. Резко возросла стоимость водки, ухудшилось финансовое положение государства, произошел разбой в ценах на водку в различных регионах страны, большинство ликеро-водочных заводов оказались на грани банкротства.

Бялый: Указ Президента Ельцина, который был издан в мае 92-го года и отменял монополию государства на производство и продажу вино-водочной продукции, он вот вполне ... целиком и полностью вписывается вот в этот самый сюжет, который мы сейчас рассматриваем. Во-первых, алкоголь всегда в России был одним из самых объёмных рынков. И нужно было лишить всё ещё упиравшееся государство, в частности, Верховного Совета РСФСР, вот такого крупного источника доходов. И передать этот источник вот этим самым криминальным и номенклатурно-криминальным кланам. А, во-вторых, рост цен на немонапольный алкоголь, он сразу быстро поднялся в цене, он подхлестывал сокращение сбережений населения. То есть почти полностью аннулировал любые его остаточные претензии, даже на какое-то номинальное участие вот в приватизации чего-то серьёзного. Этих причин было вполне достаточно для того, чтобы Указ вышел под лозунгом освобождения места для работы рыночных сил.

Хроника: 17 июля 1992 года исполняющим обязанности председателя Центрального банка (ЦБ) Российской Федерации был назначен Виктор Геращенко. В июле 1992 года под руководством Геращенко был произведен взаимозачет долгов государственных предприятий и денежная эмиссия на 1 трлн. рублей. Следствием этого стало оздоровление системы платежей и последовавший затем всплеск инфляции. Со стороны правительства

подвергался резкой критике за то, что позволял государствам СНГ продолжать расчеты с поставщиками в России за счет осуществления собственной эмиссии рубля, что на деле означало их практически безвозвратное кредитование, способствовавшее нарастанию инфляции в России. Кроме того, деятельность Геращенко по льготному кредитованию промышленности оценивалась как политика, стимулирующая инфляцию и противоречащая функциям Центрального банка, который обязан обеспечивать стабильность национальной валюты.

Бялый: Отпустив гиперинфляцию отпуском цен и либерализацией торговли, команда реформаторов, тем не менее, должна была в какой-то момент, на каком-то этапе её останавливать. Этот этап приблизился очень быстро, когда стало ясно, что ни у населения, ни у предприятий денег нет. Но реформаторам нужно было решить ещё одну задачу – обеспечить приватизацию в руки вот этих самых кланов, о которых мы не раз говорили, ведь по самым минимальным ценам, которые совсем не имеют отношения к реальной стоимости активов. Что для этого было сделано? Политически для этого был запущен, очень активно запущен, миф о том, что все без исключения предприятия промышленности России никуда не годятся и, соответственно, ничего не стоят. Это очень мощный был миф. Проталкивался ... И к нему, в довесок ... что советские предприятия проще просто вот разрушить до основания и построить вместо них новые, чем восстанавливать и реформировать. Это, так сказать, политико-пропагандистская часть. А экономическая ... это делал вот на этом этапе, очень активно подыгрывавший Гайдару, хотя Гайдару вроде бы политически и кланово чуждый глава Центробанка Георгий Матюхин. Он проводил, якобы, для борьбы с гиперинфляцией, очень жёсткое сжатие денежной массы. То есть на экономическом языке, – демонетизация экономики это называется, включая прекращение кредитования

промышленности и сокращение бюджетных расходов. Что это было? Это ввергало заводы в растущие долги, позволяло, даже выживающим как-то предприятиям, пополнять хоть оборотные средства, хоть какое-то вести производство и нормальный расчёт с контрагентами. Тогда к прежнему ... Ну, поскольку у нас предприниматели советские уже давно умели в условиях дефицита как-то вращаться, опыт был ... Они начали выходить из положения знакомыми средствами. Что произошло? К прежним бедам вот российского хозяйства, разрушаемого, добавилась ещё одна – безденежные бартерные расчёты: колготки – на сахар, трактора – ширпотреб и так далее, и тому подобное. И это же не просто, скажем так, ну, веяние времени, необходимость. Это одновременно ну, почти совсем удаляло из создаваемой, якобы, рыночной экономики даже те слабые ростки рыночного ценового регулирования, которые вот начали всё-таки стихийно прорастать, возникать. То есть уже рыночной экономикой совсем не пахло. Ну, вот эти «успехи» Матюхина продолжались недолго, поскольку, весной 92-го года он вляпался в знаменитую серию афер с фальшивыми платёжными поручениями. Знаменитая афера авизо. Всем стало ... было ясно, что эти аферы не могли начаться, ни тем более длиться, развиваться без определённой поддержки Центрального банка, его региональных отделений и надзорных органов. И, в результате, Матюхин улетел в отставку. Вместо него пришёл Виктор Геращенко. Это был очень опытный финансист, конечно, человек, работавший с реальным сектором, в том числе, с заграницей, в том числе, с валютными транзакциями. И человек, который был идейным противником команды реформаторов. Что он сделал? Он резко прекратил сжатие денежной массы, возобновил эмиссию, восстановил кредитование предприятий и даже, что ему до сих пор с благодарностью вспоминают очень многие, провёл с целью ликвидации бартера и восстановления денежного обращения, взаимозачёт долгов предприятий. Поскольку,

гиперинфляционная машина при этом никуда не делась, то, естественно, меры Геращенко подхлестнули инфляцию. Не могли не подхлестнуть. Но одновременно они дали возможность предприятиям хоть чуть-чуть вздохнуть и начать что-то производить, и выплачивать зарплаты работникам. Дали возможность бюджету выплачивать пенсии и стипендии. То есть не дали доломать окончательно промышленно-производственно-технологический базис отечественной экономики. Это, конечно, как считают многие эксперты, предотвратило уже вполне созревший, просто назывались, я помню, назывались цифры ... к осени вот, после окончания отпусков, должен быть социальный взрыв, должна быть революция. Большой вопрос в том, в чём состояло глубинное содержание вот этой самой интриги вокруг политики реформаторов в 92-м году. Очень большой вопрос. Ответ мы вряд ли получим скоро. Но вот одна из, скажем так, ходящих в осведомлённых кулуарах, довольно убедительных версий, заключается в том, что вот реформаторская команда камикадзе, как её не только Ельцин называл, её и другие так называли, она должна была именно спровоцировать вот этот социальный взрыв с глубочайшей ненавистью к экономике рынка. И затем быть выкинутой, уйти. И создать предпосылки для ну, какого-то нового, кардинально нелиберального и экономического, и, главное, политического курса. И для другой политической команды. Вот, именно на этой поляне, вот летом – осенью 92-го года-то и шла борьба на финансово-банковском фронте между Гераклом (так называют Виктора Геращенко до сих пор) и так называемой командой Гайдара.

Хроника: Летом 1992 г. на увеличении расходов также сказывается сезонный фактор: выделяются кредиты для обеспечения Северного завоза, Верховный совет одобряет решение о масштабных кредитах сельхозпроизводителям под уборку урожая. Ускоряется рост денежной массы и инфляции (с 8,6 % в августе до 22,9 % в октябре). С осени

правительство вынуждено вновь резко сокращать расходы, чтобы не допустить гиперинфляцию. Дефицит бюджета снизился с 10,8 % ВВП в августе до 4,4 % ВВП в октябре.

ЦЕНА ЛИБЕРАЛИЗАЦИИ

Из интервью Анатолия Чубайса журналу «Forbes» 04 марта 2010 года:

... конец 1991 года – это пик демократического движения. Оно собирало миллионные митинги в Москве и имело колоссальную поддержку в стране <...> главной базой поддержки демократического движения была прежде всего интеллигенция – и научно-техническая, и инженерная, и творческая. Она-то и создала все демократическое движение того времени. В то же время было совершенно ясно, что преобразования по своему характеру таковы, что они неизбежно наиболее болезненно скажутся именно на этой социальной группе. Мы хорошо понимали, что значительная часть этой социальной группы работает на оборонку, на военно-промышленный комплекс, и хорошо понимали, что у страны нет финансовых ресурсов для поддержания этого комплекса на прежнем уровне. Это означало, что первая часть реформ, финансовая стабилизация, неизбежно и очень жестко ударит именно по этой категории населения. (Анатолий Чубайс: заместитель председателя правительства)

Кургинян: Ну, тут всё и сказано вот Чубайсом. Да? «... главной базой поддержки демократического движения ...», – это мне бы очень хотелось, чтобы это все слышали, у меня много друзей, которые испытывали огромное количество иллюзий в момент, когда началось демократическое движение. Ну, вот тут всё сказано: «... главной базой поддержки демократического движения была, прежде всего, интеллигенция – и научно-техническая, и инженерная, и творческая. Она-то и создала все демократическое движение того времени. В то же время было совершенно ясно, что преобразования по своему характеру таковы, что они неизбежно наиболее болезненно скажутся именно на этой социальной группе. (А

почему? Далее он объясняет почему. – С. К.) Мы хорошо понимали, что значительная часть этой социальной группы работает на оборонку, на военно-промышленный комплекс, и хорошо понимали, что у страны нет финансовых ресурсов для поддержания этого комплекса на прежнем уровне. Это означало, что первая часть реформ ... неизбежно и очень жестко ударит именно по этой категории населения». Во-первых, что значит «неизбежно и очень жёстко ударит именно по этой категории населения»? Ну, вы мне объясните, что это значит? Ну, по-людски то можно разговаривать? Наиболее неизбежно и очень жёстко – это как? Можно узнать, господин Чубайс? Как это – наиболее жёстко? Наиболее жёстко – это боксёрской перчаткой апперкот. Человек падает, у него сотрясение мозга. Он встаёт, встряхивается, говорит: «Ну, уж теперь я тебе покажу», – и начинает на вас нападать. И, более жёстко, – это финкой в живот так, чтобы увезла «Скорая помощь». Ну, и более жёстко, – это очередью из автомата ... и в гроб. Наиболее жёстко – это как? Я могу понять это так, чтобы на убой, на подавление ... Ведь это очень тонкая среда. Ведь в сущности надо сказать, что всё то лучшее, что советская система сделала, помимо великой победы в войне и всего прочего, – и связано с созданием вот этого хрупкого, тонкого постиндустриального слоя, который целиком оказался таким эффективным идиотом (слышите меня?), таким дегенератом, что он дал себя убить. Он отдал себя в руки этих людей, которые теперь прямо говорят, что они были вашими убийцами. Да или нет? Что они говорят? Не это? Но этот-то слой и был тем, что удалось сделать на народных костях, на перенапряжении деревенских женщин, на этих сменах у конвейеров, на которые вставляли дети 12-15 лет, – на всём на этом удалось создать этот слой. Да, он выполнил какие-то задачи, создавал какую-то технику, выпустил Гагарина в космос и так далее, и тому подобное. Да? Потом его взяли и повернули – этого коллективного идиота – против него же самого на убой. Но ведь ...

оставим в стороне этот его политический идиотизм, этого слоя, каждый раз, как я смотрю, как Окуджава поёт в Политехническом Музее: «... И комиссары в пыльных шлемах склонятся, молча, надо мной», – да? ... я вижу перед собой милые, замечательные лица дурачков политических. С открытыми глазами, как галчата, вот так вот со своими, так сказать, клювиками ... И сидящих, балдеющих, плачущих, сначала ещё едущих на целину и жаждущих обновления социализма, потом разочаровывающихся и начинающих читать, там, не знаю, Автарханова, и Бог знает кого. А потом прущих, как табун и выводящих вперёд, выносящих на своих руках своих убийц. Но оставим в стороне эту чудовищную незрелость класса. Потому что, если наука становится непосредственной производительной силой, то речь идёт о классе, который позволил себя убить и который сделал себе хакири. Оставим в стороне, – говорю я в третий раз, – эту поразительную незрелость. И поговорим о другом. О том, что это очень хрупкий класс, это очень хрупкая конструкция. Она держится огромным трудом. Ну, вот уехала там из Германии физика ... Германия сейчас любые деньги платит, а ядерную физику у себя и вообще большую физику у себя воссоздать не может. И всё для этого есть. И всё вернули назад, а вот, ну, это «животное, которое не размножается в неволе». Это системы, которые именно потому, что очень тонки, они и функционируют вот потрясающим образом. Тонкость есть, как бы, суть их эффективности. Эти структуры нельзя сделать одновременно выдерживающими большие нагрузки и эффективными. Тут либо нагрузки, либо ... Нельзя ... Ну, как это объяснить, ну, есть известная сказка про то, что король объявил, что выдаст принцессу свою за человека, который создаст самую чудесную вещь в мире, который совершит невероятное чудо. И, наконец, пришёл молодой, красивый блондин с голубыми глазами. Он нес с собой часы, фантастические часы, которые каждый час отбивали какую-то отдельную музыку, постоянно выходили какие-то всё новые фигурки. Фигурки какие-

то делали потрясающие движения. Часы были уникально точны и так далее. Король объявил свадьбу, всё. Никто ничего лучшего сделать не может, надо выдавать принцессу за этого замечательного мастера. Бьют часы полночь и идёт свадебный обряд, вдруг входит поросший шерстью детина с лицом дегенерата или какого-то такого гориллы, да? ... с огромной дубиной, смотрит на эти часы и бабах дубиной по этим часам. И пришлось отменять свадьбу, – говорит сказка. Потому что оказалось, что этот детина и сделал самое чудесное дело на свете. Да? Он одним ударом уничтожил то, что тот другой создавал на протяжении многих лет с огромным трудом, талантом и всем прочим. Значит, с этой точки зрения, конечно, было совершено чудо. Волосатый детина, притворяющийся регрессором, с огромной дубиной в руке и звероподобной харей гориллы ... Не буду тут проводить никаких конкретных аналогий. Я имею в виду обобщённый образ или феномен, как говорил Гуссерль, идеальный тип, как говорил Макс Вебер. Так вот, этот «идеальный тип» гориллы с дубиной пришёл, посмотрел на весь этот постиндустриальный слой, который был создан таким чудовищным трудом, поднял дубину под названием либерализация, шок и всё прочее и жёстко ударил, как говорит Чубайс, по этим божественным часам с невероятно тонкой музыкой и структурой. Которые именно потому, что они имели такую тонкую музыку и так далее, имели очень тонкую структуру, а тонкая структура очень легко рушится. Он жёстко по ним ударил так, чтобы они сломались. То есть вопрос не в том, что «неизбежно и очень жёстко ударит ... по категории», а убьёт эту категорию, как профессиональное и социальное явление. Убийца. Убийца, во-первых, той группы, которая его же привела к власти. И, во-вторых, убийца развития, называющий себя прогрессором. И, в-третьих, убийца, который откровенно даёт признательные показания. «Да, – говорит, – убивал. А что было делать?» Только называется это «очень жёстко ударит». Остаётся только сделать одну мелкую-мелкую

достройку сказанного и спросить насколько жёстко. И окажется, что ясно насколько – вплоть до ликвидации. Так жёстко, что это сломано, уничтожено, отменено, как макросоциальный, профессиональный феномен, как постиндустриальная структура. А теперь, после того, как это отменено, начинают говорить о модернизации, о каких-то там экономиках пяти или четырёх «и», об экономике знаний, которая, между прочим, по определению-то является постиндустриальной экономикой. Сначала убит постиндустриальный класс, а затем нужно строить постиндустриальную экономику. А как это можно делать? И за счёт чего? За счёт того, что вместо гигантского, сложнейшего организма, построенного в советскую эпоху, нужно сделать какой-нибудь один маленький центр, надеть на сидящих там молодых людей, может быть и не бездарных, хочу надеяться, что это так, оранжевые галстуки и заставить их слушать Кондолизу Райс? А все остальные при этом будут погибать от недофинансирования и за счёт этого можно построить постиндустриальную страну, экономику там четырёх или пяти «и», экономику знаний? Полно. И, наконец, следующее. Если преобразования должны были «неизбежно и более болезненно» сказаться именно на этой постиндустриальной группе, а целью было развитие; если мера болезненности – это очень жёсткий удар и если этот жёсткий удар – это ликвидация, то я спрашиваю простую вещь: а за каким фигом нужны были эти преобразования? Преобразования для развития или преобразования для преобразований? Если эти преобразования нужны были для того, чтобы дать стране импульс к развитию и этот импульс был связан с опорой на постиндустриальный класс, который хотел преобразований, то зачем же его было убивать? Значит, целью преобразований заведомо было не развитие. Тогда что? Я спрашиваю, тогда что было целью, если не развитие? Деградация, по факту? Борьба с коммунизмом? Любой ценой? Какой ценой? Отвечайте, какой ценой? Если для победы над коммунизмом надо уничтожить Россию, то это нормальная

цена? Да или нет? Зиновьев писал: «Мы метили в коммунизм, а попали в Россию». Я тогда же сказал, что это какой-то странный стрелок. Стрелок вначале рассказывает, что он снайпер высшего класса, а потом иллюстрирует нечто на тему знаменитой песни одесской: «Рабинович стрельнул. Пух, и промахнулся. И попал немножечко в меня». Но это Зиновьев, он раскаивается, да? А здесь метили в коммунизм изначально или в Россию? Вот сейчас опять рассуждают, так сказать, что для этих преобразований нужно сломать не только постиндустриальный класс, а ещё и ядро русской культуры. Нравится такая формула? Но если сломать ядро русской культуры, то будет сломано и русский народ, и русское общество вообще. И тогда что же – целью преобразований является уничтожение страны? Преобразования нужны не для того, чтобы страну спасти и двинуть к более высоким уровням развития, – для того, чтобы её уничтожить. Ну, мы же по факту-то получаем именно это. И неужели и сейчас вся эта интеллигенция, которой прямо в глаза говорят: «Вы нас вели к власти, мы вас и уничтожили. Что поделаешь, миленькие». Неужели даже сейчас она будет целовать руки, ну, называю вещи своими именами, своих коллективных убийц, которые гордятся тем, что они принесли эту интеллигенцию на алтарь построения мафиозного государства, способного лишь ликвидировать общество, народ, культуру, – всё на свете, пожрать всё это. То есть на алтарь уничтожения России. Все слова уже сказаны грубо, прямо, а очень многие ещё делают вид, что они не слышали. Ускользают, пытаются заткнуть уши, пытаются каким-то странным образом интерпретировать до предела очевидные высказывания. Нет, дорогие мои, не выйдет. У Чернышевского была отличная работа: «Русский человек на randevу». Так вот, интеллигенция, мы тебя зовём на это randevу. Мы устроим тебе полное randevу с твоим Чубайсом и со всеми другими твоими кумирами, потому что только этой ценой можно добиться прозрения. Это наш шок. Это ответный шок на тот шок, который

с тобой устроили. Это шок во имя прозрения. «И виждь, и внемли», раскрой глаза и посмотри в лицо того, на кого ты молилась и кто тебе не просто плюёт в лицо, а втыкает финку в живот и говорит: «Умри, миленькая, всё в порядке, родная, так надо для вящей славы других государств. Умри!»